

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ: СИСТЕМА И МЕХАНИЗМ ДВИЖЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»)

Мейликов Шерзод Шухратович,

Преподаватель Международного инновационного университета,
кафедра зарубежной филологии.

E-mail: sherzod19990102@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.20195463>

Annotatsiya. Maqolada M.Yu.Lermontovning “Zamonamiz qahramoni” romanidagi badiiy obrazning shakllanishi va uning harakat mexanizmining murakkab tizimi o‘rganiladi. Romanning teskari kompozitsiyasi va polifonik xususiyati quyidagilarni chuqur ko‘rib chiqishni talab etadi: birinchidan, Pechorin obrazining markaziy o‘rni; ikkinchidan, uning atrofidagi “oyna” obrazlarning (Maksim Maksimich, Bela, Meri, Vera, Grushnitskiy, Vulich va boshqalar) joyi va vazifasi; uchinchidan, tabiat tasviridagi obrazli o‘zgarishlar. Tadqiqot roman obrazlarining psixologik murakkabligini, ularning faol dialogik munosabatlarini va bu munosabatlar Pechorin shaxsiyatining yangi tomonlarini hamda zamonaviy “qahramonlik” mohiyatini qanday ochib berishini ko‘rsatadi. Badiiy tafsilot, nutq xususiyati, beixtiyor avtoportret va makonning obrazga ta’siri kabi vositalarning o‘rni aniqlanadi. Natijada, Lermontov yaratgan obrazlar tizimi 1830-yillar ziyolilarining ma’naviy inqirozini aks ettirish bilan birga, o‘zini-o‘zi anglash, erkinlik va taqdir masalalarini tushunish uchun umumiy falsafiy nuqtai nazar sifatida ishlaydi, degan xulosaga kelinadi.

Kalit so‘zlar: badiiy obraz, psixologizm, kompozitsiya, polifoniya, xarakter, konflikt, lirizm, ironiya, fatalizm, Pechorin, Lermontov.

Аннотация. В статье рассматривается система формирования художественного образа и механизм его работы в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Обратная композиция и полифония романа требуют внимательного анализа: во-первых, центральной роли образа Печорина; во-вторых, места и задач окружающих его «зеркальных» образов (Максим Максимыч, Бэла, Мэри, Вера, Грушницкий, Вулич и другие); в-третьих, изменений в описаниях природы. Исследование показывает психологическую глубину образов романа, их диалогические связи и то, как эти связи открывают новые стороны личности Печорина и сути современного «героизма». Здесь же определяется место таких элементов, как художественная деталь, речевая характеристика, произвольный автопортрет и влияние пространства на образ. В итоге делается вывод, что система образов у Лермонтова отражает духовный кризис интеллигенции 1830-х годов и вместе с тем помогает понять вопросы самопознания, свободы и судьбы на более общем уровне.

Ключевые слова: художественный образ, психологизм, композиция, полифония, характер, конфликт, лиризм, ирония, фатализм, Печорин, Лермонтов.

Abstract. The article examines the system of artistic image formation and its functioning mechanism in M.Yu. Lermontov’s novel *A Hero of Our Time*. The reverse composition and polyphony of the novel call for a close look at: first, the central role of Pechorin’s image; second, the place and tasks of the “mirror” images around him (Maxim Maksimych, Bela, Mary, Vera, Grushnitsky, Vulich, and others); third, the transformations in nature depictions. The study shows the psychological depth of the novel’s images, their dialogical connections, and how these

connections reveal new aspects of Pechorin's personality and the essence of contemporary "heroism." It also identifies the role of elements like artistic detail, speech characterization, involuntary self-portrait, and the impact of space on the image. The conclusion is that Lermontov's system of images reflects the spiritual crisis of the 1830s intelligentsia and serves as a broader philosophical lens for understanding self-awareness, freedom, and fate.

Key words: artistic image, psychologism, composition, polyphony, character, conflict, lyricism, irony, fatalism, Pechorin, Lermontov.

Введение и актуальность проблемы. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (1840) относится к произведениям, где романтизм переходит в реализм в русской и мировой литературе. Здесь Лермонтов использует новый подход к созданию художественного образа через необычную композицию, многослойность повествования и психологический анализ. В этой статье анализируется система образов романа, их связи между собой и то, какие художественные и философские вопросы через них решаются, включая понимание «героя времени».

Хотя образы романа, особенно Печорин, уже много изучены, анализ их динамики, «зеркальной» функции и того, как они создают общий смысл, все еще актуален. Также стоит заново посмотреть на роль описаний — пейзажей, речи, деталей — в формировании образов у Лермонтова.

Методология исследования и источники. В работе применяются разные методы анализа:

1. Структурно-типологический: изучается, как обратная композиция романа влияет на систему образов.
2. Психологический: разбираются прямые и косвенные признаки характера персонажей (монологи, дневники, письма, особенности речи).
3. Интертекстуальный: рассматривается связь образов с романтической традицией (Байрон, Пушкин) и отличия от нее.
4. Мифопоэтический: определяется место описаний природы и пространства в выражении внутреннего состояния образов.
5. Сравнительно-контрастивный: анализируются сходства и различия между Печориным и другими персонажами (Максим Максимыч, Грушницкий, Вернер).

Основной источник — текст романа Лермонтова, плюс критические и литературоведческие работы того времени и позже.

Результаты исследования. 1. Композиция как основа системы образов.

Композиция романа («Бэла», «Максим Максимыч», «Журнал Печорина» с «Таманью», «Княжной Мэри», «Фаталистом») помогает создать объемный

образ главного героя и мира вокруг него. Печорин показан постепенно, с разных сторон: через чужой взгляд, внешний портрет и внутренний мир.

В «Бэле» образ передан через миф и взгляд простого человека. Рассказчик-офицер пересказывает историю от Максима Максимыча. Печорин здесь выглядит загадочным, сильным, волевым, почти как герой из эпоса, через свои действия, вроде похищения Бэлы, но мотивы неясны. Максим Максимыч, с его простой и цельной душой, не понимает Печорина, и это подчеркивает его сложность для читателя. Бэла показывает разрушительную сторону печоринского индивидуализма.

В «Максиме Максимыче» акцент на внешнем портрете и психологических деталях. Повествователь более образован. Печорин появляется напрямую, но видно только его внешность, манеры, холодность к старому капитану. Детали вроде «глаза не смеялись, когда он смеялся» намекают на внутренний разлад. Эта часть — переход от мифа к психологии, где образ героя усложняется разницей между ожиданиями и реальностью.

В «Журнале Печорина» открывается внутренний мир через самоанализ, иронию, исповедь. Внутри дневника тоже есть движение: от приключенческой «Тамани» к психологической «Княжне Мэри» и философскому «Фаталисту». Это путь от внешних событий к размышлениям и метафизическим вопросам, где Печорин предстает как трагический мыслитель и экспериментатор над жизнью.

2. Центральный образ: Григорий Печорин как «герой времени» и «лишний человек».

Печорин — центр системы образов по структуре и смыслу. Его характер полон противоречий.

С романтической стороны: разочарование, исключительность, бунтарство, поиск сильных чувств и опасностей, демонизм в глазах других, конфликт с обществом.

С реалистической: холодный самоанализ, скептицизм, понимание, что характер сформирован обществом («Я сделался нравственным калекой»), эгоцентризм, где жизнь — серия экспериментов.

Его образ строится на противоположностях: сила воли и внутренняя пустота, жажда идеала и неверие в него, эгоизм и способность к самокритике. Он воплощает проблемы эпохи — рефлексию, бездействие, потерю целей. Его трагедия в том, что он сам это осознает.

3. Система «зеркальных» образов: функции второстепенных персонажей.

Персонажи вокруг Печорина отражают разные стороны его характера через конфликты или сравнения.

Максим Максимыч представляет естественного человека, доброту, простоту, верность. Его недоумение перед Печориным показывает разрыв между простой натурой и рефлексирующим интеллектуалом. Встреча в «Максиме Максимыче» проверяет Печорина на способность к чувствам, и он не справляется.

Грушницкий — пародия на романтические позы, которые когда-то были у Печорина. Конфликт с ним — борьба с собственной карикатурой, избавление от фальши. Убийство Грушницкого символизирует уничтожение части себя.

Доктор Вернер — интеллектуальное отражение. Близок Печорину по уму, скепсису, наблюдательности. Их разговоры — пик анализа в романе. Но Вернер пассивен, только наблюдает. Печорин же ищет действия, даже разрушительные. Вернер подчеркивает волевое начало в Печорине, его неудовлетворенность.

Женские образы (Бэла, Вера, Мэри) показывают разные стороны отношения Печорина к любви.

Бэла — страсть как экзотика, охота, объект воли. Ее смерть осуждает эту позицию.

Вера — единственная, кого Печорин любит по-настоящему, но не может быть счастлив. Она связана с темой упущенного чувства, раскаяния («она единственная женщина в мире, которую я не в силах был бы обмануть»).

Княжна Мэри — объект эксперимента, игра в любовь из скуки и тщеславия. Через нее Печорин видит себя «топором в руках судьбы», палачом.

Вулич в «Фаталисте» — философское отражение. Он играет со смертью, веря в предопределение. Его смерть от пьяного казака — ирония. Печорин, проверяя фатализм, показывает отвагу и волю, спасая других, хоть и из любопытства. Вулич помогает увидеть в Печорине не только фаталиста, но и человека, готового на риск.

4. Образ природы и пространства.

Пейзаж у Лермонтова участвует в формировании образа героя и передает его состояния.

Кавказ — величественный, суровый, свободный. Он контрастирует с миром «водяного общества» в Пятигорске. Кавказ связан с бунтарской стороной Печорина, его тягой к простору и ощущениям.

Кисловодск, Пятигорск — пространство салонов, сплетен, интриг. Это искусственный мир, отражающий несвободу героя, место для манипуляций.

Пейзажные описания: утро перед дуэлью («Я не помню утра более голубого и свежего!») противопоставляет красоту природы человеческим страстям. Природа часто выступает как отражение гармонии, недоступной герою.

5. Художественные средства создания образов.

Психологическая деталь: «Глаза его не смеялись, когда он смеялся»; слабость при погоне за Верой.

Речевая характеристика: ироничный, афористичный стиль Печорина в дневнике; простая речь Максима Максимыча; высокопарность Грушницкого.

Портрет: динамичный, с психологическим подтекстом в «Максиме Максимыче».

Внутренний монолог и дневник: показывают процесс мышления и самооценки.

Символика: пистолет Вулича, звезды в «Фаталисте», туман перед дуэлью.

Заключение.

1. Система образов в «Герое нашего времени» — это многослойная конструкция, где Печорин раскрывается через разные уровни восприятия (от мифа к самоанализу) и взаимодействия с другими персонажами — двойниками, антиподами, оппонентами.

2. Обратная хронология помогает создать развивающийся образ, от внешней загадки к психологической и философской трагедии.

3. Через конфликты и сравнения с другими (Максим Максимыч, Грушницкий, Вернер, женские образы, Вулич) видны противоречия в Печорине: воля и рефлексия, эгоизм и самокритика, скептицизм и жажда веры, роль палача и жертвы.

4. Природа и пространство характеризуют внутренний мир героя: Кавказ как символ свободы, «водяное общество» как теснота, природа как мерило гармонии против человеческого разлада.

5. Лермонтов через эту систему образов передал тип «лишнего человека» 1830-х и поднял вопросы о смысле жизни, свободе воли, предопределении, цене самопознания и природе «я». Печорин — не только «герой времени», но и образ рефлексии сознания в разрыве между мыслью и действием.

Литература:

1. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. Любое академическое издание.
2. Эйхенбаум Б.М. «Герой нашего времени» // Эйхенбаум Б.М. О прозе. О поэзии. Л., 1986.
3. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988.
4. Удодов Б.Т. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». М., 1989.

5. Манн Ю.В. Динамика русского романтизма. М., 1995.
6. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л., 1977.
7. Вацуро В.Э. Записки комментатора. СПб., 1994.
8. Турбин В.Н. Пушкин. Гоголь. Лермонтов: Об изучении литературных жанров. М., 1978.
9. Максимов Д.Е. Поэзия Лермонтова. М.; Л., 1964.
10. Виноградов В.В. Стилъ прозы Лермонтова // Литературное наследство. Т. 43–44. М., 1941.
11. Тамарченко Н.Д. (ред.) Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008.
12. Коровин В.И. Творческий путь М.Ю. Лермонтова. М., 1973.

